

Ночь Гамлета

Игорь
Савельев

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИА
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

Игорь Савельев

Ложь Гамлета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35238273

ISBN 9785449090577

Аннотация

Вокруг модного режиссера сгущаются тучи: ему вот-вот предъявят обвинение в растрате, спектакль упрекают в «клевете на Родину», а фильм «развращает молодежь». Среди тех, кому заказана кампания против режиссера, – тележурналист Олег. Когда-то рванувший в Москву на заработки, он остро переживает сомнения в правильности выбранного пути и одиночество. Всё меняется, когда он встречает свою бывшую девушку, загадочную Газозу, которая тоже вовлечена в большую игру с «подставой» режиссера...

Ложь Гамлета

Игорь Савельев

© Игорь Савельев, 2018

ISBN 978-5-4490-9057-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ленинградка стоит, – сказал Хижняков с таким видом, как будто: всё, пирец, расходимся. Ну, то, что он не хотел ехать, было видно и так. Прежде чем сесть за руль, он четырежды обошел машину и, кажется, готов был уже пописать на колесо, как космонавт перед стартом.

– Да, вроде, рано еще.

– Не, в это время всегда стоит.

Хижнякова и не узнать. Обычно-то он – мастер весело обскакать пробки, рассекать по дублерам и с трудом разворачиваться в переулках («Ford Transit» – исполинский, в некоторых местечках Европы городские автобусы и то меньше). Да ему, кажется, по кайфу было и в пробках. Ему, видимо, нравилось, что водилы узнают, сигналият, ну, в смысле, не «узнают», а реагируют на все это многогранное, громадно-угловатыми буквами «FILE». Логотипами по всем бортам и во всех проекциях были по-армянски щедро разукра-

шены все машины телеканала. Тот же Хижняков радостно называл свое шестиметровое чудо-юдо «ЕСТО-1», то есть как тачку «Охотников за привидениями».

– Да нет, не стоит, шесть баллов, – сказал Гремио, мигом слазив в айфон. Олега это слегка восхитило. Настолько не вязалась хипстерская, яблочная проворность с обликом ряженого в шапке-кубанке, каких-то красных шароварах, в гимнастерке, увешанной какими-то казацкими, а то и вовсе придуманными, орденами до пупа. Можно сказать, в Олеге впервые проснулся профессиональный интерес. Только что он – и интерес, и сам Олег (почти) – дремал, когда они час вымучивали нудное студийное интервью. Великий и ужасный Гремио перед камерой не то что терялся, но нудел, просил переписать, опять начать, но начинал снова с бессмысленной отглаголицы с выпученными глазами. Все это было скучно. Заподозрить в нем иную форму жизни, хотя бы по бесовскому айфону с уклоном в розоватую бронзу, – уже не скучно.

– А мне давно было интересно с вами пообщаться, – соврал Олег, когда отъехали и на первой же мелкой улице встали в пробку (Хижняков мрачно торжествовал). Гремио молчал. Ну конечно, ответных комплиментов не дождешься, Олег ведь человек без лица.

– Это правда, что ваша настоящая фамилия Валиуллин и вы бывший офицер ФСБ?

– Я не думал, что такое уважаемое издание повторяет

уличные сплетни, – парировал ряженный.

– Ну, это спорный вопрос.

– Что?

– Корректно ли называть телевидение «изданием».

Олег обезоруживающе улыбнулся, и дальше сохранял ласковую улыбку, хотя всякий журналистский интерес, мелькнувший было, у него пропал. Его не удивляло даже то, что эту уличную сплетню, – действительно ведь эту страшную тайну не проблема было разыскать в сети, – но эту «уличную сплетню» черным по белому пропечатали в той объективке, которую принес чуть ли не сам Гремио. То есть понятно, что в XXI веке можно (и нужно) обойтись без этой фельдъегерской макулатуры, но Олег все же посмеялся над этими официально пропечатанными тайнами мадридского двора: «По другим сведениям – Валиуллин».

Обиделся он или нет, но всю дорогу Гремио демонстрировал, что страшно озабочен и занят, тыкал в экран и постоянно звонил своим (у него был длинный ноготь на мизинце – нечто то ли оккультное, то ли гитарное, но это только усиливало олегову неприязнь). «Свои», кажется, нервничали. Ну да, спектакль уже начинался, все пошло немножко не по плану и не по графику, – ну так меньше надо было выделываться в студии. Впрочем, на «Файле» и без того вечный бардак с графиками, но мерзкому гостю это, конечно, знать не обязательно.

И уж конечно, они постояли во всех обещанных пробках.

Хижняков значительно молчал.

Говорят, когда арестантов возят на суд по Москве, то это реальная проблема – ну, там, шесть часов в пробках, жара, туалет в автозаке (то есть его отсутствие), то-се. Без воды. Говорят, это специально применяют к самым именитым, в прошлом-влиятельным, чтобы сразу сломить. Вчера ты матом министров крыл, сегодня – СИЗО и не позвонить никому, завтра – ты униженно ссышься в раскаленной консервной банке на Ленинградке, на глазах у конвоя. Люкс. То есть специально выбирают такое время... Это к тому, что по сравнению с этим часик с Гремиио лицом к лицу (Хижняков, собака, ведь и радио не включал) – санаторий, и Олега давно не парила такая ерунда, как «напряженное молчание». Он отвечал на него рассеянной полуулыбкой и ничего не значащим взглядом сквозь. Гремиио же, похоже, это нервировало.

– А вы что же, работаете на теме культуры? – раз запальчиво спросил он, видимо, каким-то боком (и, как ему казалось, саркастически) возвращаясь к теме биографии. Типа – ответный удар.

– Мы на «Файле» все универсалы в плане направлений и тем, – отвечал Олег с кротостью сектанта.

– Но вы, вообще, хорошо в этом разбираетесь?

– Не настолько хорошо, как вы.

В молчании они прибыли в центр. Им открыли шлагбаум. В облупленной подворотне, где о театре не напоминало ничего – кроме, может, извращенно-изящной пепельницы-пле-

вательницы на мощной ноге, – «файловский» автобус окружили несколько темных личностей.

– Всё нормально, это наши друзья, – снова сострил Олег. Гремю с ним даже не попрощался. Он свирепо рявкнул на подручных, когда они выгружали его мешки. Да, его гробанный реквизит тоже пришлось таскать на студию.

– Между прочим, катафалки положено каждую ночь обрабатывать хлоркой, – заключил Хижняков, глядя им вслед, и сплюнул. – По часу.

– Бога ради. Не начинай.

– Серьезно. Есть такой ГОСТ.

– Ага. А кто тут называл машину шмаровозкой? И радостно ржал – ах, не оставили ли гости передачи под сиденьем свои ***** трусики... Валер, поживее, мы реально опаздываем.

Их с оператором пропустили со служебного хода, как и было оговорено. Причем, начальник охраны хлопотал и лебезил так, будто это маски-шоу уже пришли. В богато украшенном фойе – люстры, мрамор, портреты артистов и пара подгулявших в буфете эстетствующих пенсионерок, – Олегу пришлось понервничать и самому. Он вызвонил профессора только с пятой попытки. От этого «эксперта» он с самого начала не ждал ничего хорошего – бывают же люди, которым, может, и не девяносто, но девяносто в душе. Они не умеют читать и писать смс, не умеют выключить звук телефона, который разрывается стандартной, на две ноты, трелью в са-

мый неподходящий момент – например, во время съемки, – а выключив, не умеют включить.

Наконец, явился. Но до чего плюгав. Очки станут бликовать.

– Вы же сказали – в антракте... Я, честно говоря, ждал...

– Простите, Владимир Антонович, технические проблемы! Встаньте, пожалуйста, здесь. Валер, где ему лучше встать?.. Валер, петличку.

Профессор заметно нервничал. Пока выставляли баланс белого – смотрел затравленно, как будто листок не просто листок, а снимают его с арестантским номером.

– Вы готовы? Начали. Владимир Антонович. Вы посмотрели нашумевшего «Гамлета» в постановке Аркадия Коновского. Можете поделиться вашими впечатлениями?

Но дедушка все ж молодец. Советская закалка. Как только Валера залепил свет, он приосанился и заговорил хорошо поставленным голосом, постепенно с напором ускоряясь, как будто гражданское негодование распрямлялось в нем, как пружина.

– Скажу откровенно – я возмущен. И не только потому, что когда-то имел честь смотреть в роли Гамлета Володю Высоцкого. Потрясающего. Потрясающего... Мне не хочется думать о деградации искусства, потому что это означало бы, что всю мою полувековую службу русскому театру можно перечеркнуть – если мы всего лишь группка слепцов, которые ведут друг друга в пропасть, да уже начали

в нее падать, так сказать... Смею надеяться, что это деградация только отдельных ветвей, отдельных школ, которые сегодня, здесь, злоупотребляя, так сказать, гостеприимством прославленной сцены, демонстрируют свою полную несостоятельность... Но все же позволю себе вернуться к настоящему искусству, к настоящему «Гамлету» и Володе Высоцкому, который сказал мне тогда...

Олег сделал энергичный гаишный жест, и вышколенный советский профессор понял и увидел, хотя, казалось бы, глазом не повел.

– Я хочу напомнить, что это были семидесятые годы. Годы колоссального расцвета не только Таганки, но и вообще искусства, духовной жизни, духовного окормления. И обратите внимание, какой контраст! Примерно в те же года помещает действие своего, с позволения, «Гамлета» господин Коноевский. Более того! Он ведь делает героем не Гамлета, не кого-то, а само время и само наше тогдашнее общество! Это, значит, у нас там прогнило все в королевстве! Это, значит, у нас атмосфера тотальной лжи, разложения, двурушничества, низости... Тотальной, я подчеркну, всеобщей низости!

Голос профессора почти гремел под сводами. Эстетствующие пенсионерки с интересом свесились с перил.

– ...Вы знаете, это ведь пародия не на брежневское время. Хотя, казалось бы, именно его Коноевский так нарочито выпячивает. Послушайте, но ведь это просто китч! Он делает Розенкранца, и Гильденстерна советскими журналистами,

которые вынуждены тотально говорить неправду и, как апофеоз этой измены призванию, они как бы сидят и коллективно сочиняют мемуары Брежнева – «Малую землю», «Целину»... Вы знаете, мне, как человеку, который пятьдесят лет в критике, в журналистике...

– Владимир Антонович, хотелось бы понять...

– Да. Я веду к тому, что это ведь не просто бред и дурновкусие. Это не просто низкопробные эксперименты с классикой. Это даже не просто политическая, историческая пародия, хотя понятно, что могут быть и негативные суждения о Брежневе и его времени, у нас ведь, в конце концов, демократическое общество...

– Владимир Антонович!

– Да. Но это еще и русофобия, – профессор поднял палец и хорошо замолчал. — Чистейшей воды русофобия. Отрицание не только наших ценностей, но и права на то, чтобы русское общество – в разные этапы, пусть и непростые, – имело цивилизованный облик. «Гамлет» у Коноевского – это не больше чем повод заявить о том, что благородным может быть только внутренний эмигрант, метящий во внешние, а окружен он тотальным пьянством, воровством, казнокрадством, оскотиниванием...

Несмотря на то, что фонтан было не заткнуть, Олегу нравилось – в перспективе. По крайней мере, ключевые моменты вроде «руссофобии» нарезать можно было хорошо. Он запоздало пожалел, что не поставил профессора к другой стен-

ке, так, чтобы сзади был Высоцкий, ну да ладно. Тем более, выпалив залпом втрое больше оговоренного, профессор вдруг как будто выключился, быстренько закруглил разговор и почти вприпрыжку побежал обратно в зал. Валере пришлось даже чуть догонять, чтобы вернуть микрофон.

Так. Ладно. Пока все, вроде, складывается. Выдохнуть – и дальше.

Олег не был склонен к жестам типа «с богом» и прочему «сверим часы», но тут пришлось, действительно, сверить, и выдержать четыре минуты перед дверьми, похожими на каравай, у которых парень из охраны предусмотрительно подменил билетершу. Им подобрали неплохую диспозицию: скромный боковой ход, позволявший до поры оставаться незамеченными в проходах, но быстро затем оказаться перед сценой. Все было идеально просчитано по схемам зала. Короче – маленький «Норд-Ост».

Однако на сцене Олег сразу же увидел такое, что коротко ткнул Валеру, и они немедленно выдвинулись на середину, никого не дожидаясь. На сцене стоял трап. То есть настоящий (кажется) авиационный трап, причем, такой советский, где машинка внизу (самоходная часть) – это такая именно машинка из шестидесятых, как машинки в классических иллюстрациях к «Незнайке». Господи, да где достали? Как втащили в театр?.. Не склонный демонизировать своего героя (как делали многие), Олег готов был на миг поверить в сверхвозможности Коноевского... Уже потом он рас-

смотрел другой реквизит, не менее исполинский, но уже, конечно, примитивно-картонный: нечто вроде египетских пирамид, оклеенных баннерами в виде чеков «Березки». В общем, за этим стояла символика, которая мало что говорила людям его поколения (сам-то он вычитал про «Березку» в рецензиях), поэтому пока он больше оценивал всё технически – насколько внушительно будет смотреться в кадре.

Может, их вела судьба? – но, опоздав, они попали на самую визуально-вкусную сцену. С вершины трапа, откуда-то с верхотуры, две длинноногие блондинки в форме бортпроводниц (и тоже, кажется, советских) бережно спускали вдрабадан пьяного молодого человека в серой генеральской шинели. Жаль, что Валера, вскинувшись, успел снять лишь нижнюю половину этого впечатляющего схождения с небес. Но да и то было хорошо.

Пока Олег с Валерой возились, обменивались жестами, реплики актеров внизу сцены как-то прошли мимо них, они услышали только громогласный, вальяжно-пьяный генеральский окрик:

– На вопрос губки – какой ответ может дать королевский сын?

– Вы принимаете меня за губку? – смиренно спрашивал некто в костюмчике – таких было несколько.

– За губку, которая впитывает щедроты короля, но он держит их – как обезьяна орехи – за щекой. Раньше всех берет в рот, чтобы позже всех проглотить. Когда ему понадобится

то, что вы скопили, он нажмет на вас – и, губка, вы снова сухи. А впитываете вы – слюни! – «генерал» победно оглядел зал и очень натурально покачнулся. – А слюней у него – много! – Он с детской радостью принял рулады зала. – У него полон рот слюней! Сиськи-масиськи...

«Генерал» принялся несмешно пародировать, чтобы кончить дело смачным троекратным поцелуем, от которого его серенький собеседник долго отплевывался в ведро: только сейчас Олег заметил, что по сцене расставлены мятые жестяные ведра. Да и то – «заметил»; он пока лишь восторженно пихал Валеру: ты это снял?.. Поцелуй снял?

– Вот вы сейчас что пишете?

Некто балетными движениями проплыл к основанию пирамиды и выдернул листок из одной из пишущих машинок, которых, оказывается, здесь тоже расставлено было множество. «Был бы хлеб – а песня найдется», – зачитал он.

– Вот-вот! Сечешь фишку? Что общего между хлебом и песней?

Некто молчал, то ли сконфуженно, то ли услужливо.

– И то, и то – во рту! В гениальном генеральном рту, полном слюней! Сиськи-масиськи...

Ну да, шутка, повторенная дважды, становится вдвойне смешней. Даже Олегу, человеку в этом зале во всех смыслах новому, наскучило через минуту, он снова коротко ткнул Валеру и кивнул на зал. Валера развернул камеру и включил лампу. Те несколько рядов зрителей, которые попали под

нещедрый, но в темноте – режущий свет, неприязненно шурили, прикрывались программками. Или же, наоборот, позировали, старательно не замечая камеру, но приняв благородные осанки и написав на лицах прямо внимание-внимание к тому, что происходило на сцене. На сцене шел какой-то нудный диалог о том, нужно ли врать и лить елей (видимо, речь снова о Брежневе и ко), или писать жестокую правду о том, что «лица сморщены, глаза источают густую камедь и сливовую смолу». Олег, конечно, не специалист, но и ему было очевидно, что премьера и так провалилась – и без того, что будет дальше. А с «дальше» возникла, кажется, загвоздка. А может, они неправильно координировали время.

Во всяком случае, лагерь неприятеля заметил съемочную группу раньше, чем начался перфоманс, что было и не удивительно: еще бы, адски фигачить накамерным светом. В уголке первых рядов случилось некое оживление. К ним усиленно оборачивались, кто-то вскочил, потом сел, потом вскочил. Олег видел и белую голову в эпицентре этого движения. Несмотря на относительную молодость, точнее, не-старость, Аркадий Коноевский был седым, а может, даже чем-то подкрашивал-подбеливал седину, чтобы она хранила такой ровный благородный оттенок прогоревшего пепла. Special for глянец, на страницах которого модный режиссер постоянно маячил... Олега забавляло другое – уж не неестественность оттенка. Он понял вдруг, что впервые видит своего героя живьем. Ну, как – «видит».

Один из свиты в итоге отделился и начал пробираться к ним, услужливо извиваясь меж кресел, как уж или официант. Забавно также, что сам Коноевский в этом разворошенном гнезде администраторов оказался единственным, кто к ним ни разу не обернулся. Хотя все остальные что-то все время ему наговаривали, кидая напряженные взгляды.

Клерк добежал.

– Что здесь происходит? У вас есть разрешение на съемку?

– Здравствуйте. Телеканал «Файл». А в чем дело?

– Кто вам разрешил снимать?

– А что, это закрытый показ?..

Администратор страшно вращал глазами, ухитряясь посылать при этом извиняющиеся улыбки налево и направо – по беспокойному свету, и выглядело все это, по крайней мере, жалко.

– У нас свободная страна, – спонтанно выдал вдруг Олег, обращая ситуацию в фарс. Смеха ради можно попросить подойти «своего героя»... Но слишком перетягивать на себя инициативу в этой истории – тоже палка о двух концах.

– Но вы могли бы хотя бы не пользоваться прожектором!!! – прошипел администратор. Да. Резонно. На это было нечего возразить, поэтому Олег только и мог, что спародировать укоризненный тон: «Ну, Валера, ну, блин!..».

Вообще-то дело нехорошо затягивалось. В теории, съемочная группа должна была ввалиться в зал к самому дей-

ству, но оно никак не начиналась, и Олег шарил взглядом по рядам, уже не зная, чем продолжить разговор. А может, они действительно напутали по времени. И, может, это Гремие начал действовать досрочно, увидев, что в зале перепалка, острый хирургический свет и зрители уже отвлекаются.

Гремие в три скачка оказался на сцене – и в масштабах был особенно заметен его низенький рост, нелепая ширина шаровар, или галифе, как назвать, – и начал бегать из одного конца в другой и что-то кричать. Актеры замолчали, оцепенев. Весь зал оцепенел, и администратор, наконец, отлип от съемочной группы, – а Валере и не надо было командовать. Тем не менее, все эти благостные условия не спасали Гремие, голос которого – и это тоже стало особенно заметно сейчас – ну никак не годился для такого зала. Валера морщился, поправляя наушник и, видно, понимая, что скромненькой пушкой это не поймаешь. Надо было сразу выдвигаться в первые ряды, но кто же знал. Гремие хрипел, хрипел, хрипел. То, что лозунги он чередовал с какими-то песнопениями (Олег разобрал: «С нами Иоанн!»), тоже пониманию не способствовало. Выкрики не-песенные были посвящены, кажется, тому, что это наша история, и мы не позволим либерастам, инородцам...

Олег больше следил уже не за сценой, где безнадежно, а за седой головой. Коноевский не шелохнулся. Вокруг него бушевало море. Кто-то куда-то бежал. Дали свет.

Продолжая хрипеть, Гремие достал из своих мешков два

больших стеклянных сосуда, молоток, торжественно тукнул, и по залу прокатилось: а-ах. Какие-то дамы уже пробирались к выходу. Что это у него – было почти неразличимо из-за огней рампы, отсвечивающих в стекле, Олег-то, конечно, знал: час назад в студии Грэммо долго, подробно и как-то со смаком демонстрировал заспиртованных младенцев. Невинный вопрос Олега – «А где вы их взяли?» – вызвал нервную реакцию героя, потому что не укладывался в логику его повествования. Логика и без того непросто было понять. По крайней мере, отправной точкой служило что-то в духе «На руках Ельцина – кровь тысяч русских нерожденных детей», но при чем тут, опять же, Ельцин, Олег уже и не пытался проследить. Грэммо в студии сбился, сначала пытался продолжить про хаос девяностых, потом – огрызнуться, типа, а какая вам разница, сейчас много коммерческих кунсткамер, потом потребовал все сначала, – сложный клиент. Сейчас ему тем более вряд ли удалось объяснить залу, что это младенцы и что кровь тысяч...

Тем не менее, оцепенение, наконец, спало. Половина зрителей повскакивала с мест, кто-то заорал «Милиция!», кто-то из конюевского окружения вел себя более хладнокровно и начал выводить людей по секторам. В планах все было более стройно, но сейчас, кажется, все испугались химической атаки, теракта, чего-то такого – постороннего. То есть акция Грэммо имела почти обратный эффект: защитник традиций и, в общем, государственности, он выглядел сейчас как фа-

натик-террорист, чего-то сам испугавшийся, сжатый, зажатый, затравленный в богатом театральном свете: будто разбив банки, он разом улетучил слова. Он, можно сказать, покорно дождался охраны и позволил себя увести, смиренный вдруг маленький человечек. Со всех сторон Олега и Валеру толкали, в гвалте звучало что-то про вызванную полицию, и, в общем, надо было делать всё быстро. Тем более, наблюдая за глупым перфомансом, Олег прохлопал ушами главное. Когда он перевел взгляд на седую голову, ее уже не было. Коноевский исчез, ушел, убежал, увели. Черт. Ладно.

Вообще, конечно, для «творческих задач» Олега сам Коноевский был бесполезен. Как это ни странно для героя документального фильма. Не странно. Говорят, что когда Элвиса нашли мертвым в ванне, его продюсер (кто это был? – в голове Олега вертелось неуместное «Айзеншпис», хотя почему «неуместное») сказал: «Какой ужас. Но ничего. Мертвый Элвис еще лучше, чем живой».

Почти та же история.

Так что Олег пихнул Валеру, увлекшегося подсъёмкой бегущей богемы, и повел его наперерез толпе к малоприметной двери, у которой уже ждал, как было условлено, начальник охраны. Ждал и нервничал. Чуть ли не губы тряслись – когда подошли.

– Вы же сказали, что...

Ну да, ну да. А кому и когда «Файл» говорил правду.

Рядом застенчиво топтались два полукачка, полуподрост-

ка, подручные Гремю, которые почему-то не оказались задействованы в постановке своего духовного отца. Но ведь и к лучшему. По крайней мере, их не увели. Хотя выглядели они так (черные худи, как из фильмов про банды Гарлема), что это было даже странно. Уж явно не зрители спектакля, билет на который стоит, как самолет.

Возле сцены, кажется, все же пахло: то ли дохлыми младенцами, то ли формалином, или чем.

Они пошли темными закутками и сложными коридорами – гуськом, странная компания. Шпана в худи и охранник подчеркнута не замечали друг друга. Как собаки и кошки в очереди к ветеринару. Олег когда-то сидел в такой очереди, восхитился и запомнил. До мест, где они сейчас шагали, никогда в жизни не добежала бы никакая полиция: изнутри театр оказался реально катакомбами. Это вряд ли можно было назвать «закулисьем», скорее, большим и очень старым хозяйством: древний линолеум, облупленные двери, какие-то лампочки на шнурах, – непонятно, на что идут эти тысячи и тысячи рублей с модных премьер, а вообще Олега всегда забавляла эта изнанка доброй половины строений на «золотом километре России». Как называли в пафосных путеводителях то Тверскую, то Арбат.

– Вот это, – сказал Олег. – Что здесь?

Можно было не спрашивать, видно же, что чулан. В самом темном и дальнем углу они ткнулись в самую невзрачную дверь. Начальник охраны ткнулся (заперто) и неуверен-

но предположил, что, кажется, да.

– Хорошо. Нам нужно минут десять, не больше.

– Да хоть час, – буркнул охранник и поскорее пошел с места преступления.

– Так, мужчины. Значит, история такая. За этой дверью сидит Аркадий Леонидович Коноевский. Спасаясь от народного гнева, который разыгрался на премьере «Гамлета», он побежал от вас внутрь театра и теперь униженно прячется в кладовке. Вас – много, человек двадцать. Вы пытаетесь его оттуда выкурить и вытащить под светлы очи возмущенного народа. Это понятно?

– Типа, курить? – спросил тот, который был пошире.

Господи.

– Только если очень хочется, – ласково объяснил Олег. – Вы просто ломитесь в дверь и что-то такое кричите, типа, выходи, святотатец, или как это у вас там называется. Кричите вы так, как будто у вас за спиной еще куча народу. Снимаем мы со спины, если лица попадут в кадр, закроем такими квадратиками. Всё поняли?

Эта публика могла и подумать, что Коноевский действительно там.

Двое напялили капюшоны и стали неуверенно биться в дверь и нечленораздельно мычать. Каков поп, таков и...

С пятой примерно попытки Олегу удалось их как-то раскопчегарить (он начинал действительно нервничать: кто знает, вдруг полиция и правда решит осматривать здание,

несмотря на общую сочувственную лень). На фоне их дрыгающих спин – кое-как отписали синхрон. Потом Олег торжественно стучал и кричал (молчаливым метелкам): «Аркадий Леонидович, это телеканал „Файл“, пожалуйста, ответьте что-нибудь! Вы в порядке?».

Наконец, наступило время мочи.

– Где моча? – спросил Олег.

Его не поняли.

– Вот у вас был груз, вот там были не только мертвые младенцы, но и моча в баночке, – терпеливо объяснял он. – Ну, должна была быть, я не видел, слава богу.

Они жали плечами.

Может, Гремие разбил ее на сцене вместе с уродцами.

– А может, и в машине забыли...

– Хижняков будет в восторге...

– А зачем вам моча? – спросил один.

– Как ты думаешь, почему я выбрал именно эту дверь? – с напором начал Олег. Спокойно, спокойно. Полечить бы нервы. По такой схеме обычно отвечают только психопаты. – Посмотри вниз. Что ты видишь? Это плитка. Какая у нее затирка? Ну, смелее. Светлая. Мо-ло-дец. То есть если полить мочой, будет прямо видно, что это моча, и она течет из-под двери. То есть великий режиссер обоссался – то ли от страха перед гневом народных активистов, то ли просто не вытерпел, потому что прячется там несколько часов. То есть мы показываем эту мочу и объясняем вот ровно то же, что

я сейчас вам сказал.

Но от того, что Олег прочитал сейчас эту проповедь, заветная баночка, конечно, не нашлась.

– Так, ребятки, у нас времени действительно очень мало. У меня нетривиальный вопрос. Кто хочет ссать?

Один заржал, второй потом тоже. Ну конечно. На это они не подписывались. Можно подумать, им предложили тут, в коридорчике, замочить живого Коноевского.

– Валера?

– Ты охренел?.

Ну да. Это было бы и бессмысленно. Валера бы не успел и помочиться, и заснять, как моча течет между плиток.

– У нас реально очень мало времени, – повторял Олег, как мантру, грозно, но как бы и оправдываясь, отвернулся к двери и начал расстегивать ремень.

Молодчики прыснули, Валера бурно начал снимать, обходя и посмеиваясь.

– Э, ты че творишь?

– Не ссы! То есть, ссы, не бойсь, это для твоего семейного архива... Вырежем...

– Ага, для архива, завтра все будете смотреть и ржать, – Олег быстро стряхнул и отпрыгнул. Посмотрел, не подмочил ли кеды. Текло неплохо. Валера брал на крупняке.

Последним номером надо было снять, как выскочивший из заточения Коноевский спасается бегством, но это уже совсем трудно было организовать. Они попытались, конечно

(что получилось – уже не для архива, а для помойки). Валера, как настоящий виртуоз своего дела, походил по коридору, заглянул в углы, в столетние трансформаторные щитки какие-то. В итоге, он ликвидировал свет, насколько получилось, и его даже не убило. Того, который похлипче, заставили бежать, а камера бежала за ним, нарочито сбиваясь, чтобы не было видно не только головы, но и – толком – одежды, а бьющая с дальнего плана одинокая голая лампочка мешала бы разобрать в эти доли секунды, гарлемское худи ли это, или пиджак от Армани. Или что они там носят.

– Я поеду домой, на метро, – распорядился Олег.

– Я тоже, че я на студии в это время забыл.

– А чего мы тогда Хижнякова заставили два часа тут торчать?

– Ну камеру пусть отвезет...

– Блин, я надеюсь, он хоть перед театром там не маячил...

Усталые, но довольные.

Назавтра Олег ездил в студию и сидел на монтаже, на третий день – отдыхал. То есть позанимался шабашками для «Шоубиза» и съездил в «Яблоко Евы». На четвертый день – настало то, что он так не любил. Встреча с Сергеем Спартаковичем (сокращенно СС), которую вообще трудно было определить как-то, кроме именно что неопределенным «встреча». Оперативка? (Пятиминутка ненависти, ага.) Редактура? Режиссура?.. Всё было бы неточно, и сам СС способствовал этому флеру неясности своей... расплывчато-

стью? Иногда бывало даже непонятно – чему посвящена очередная их беседа. СС отрывался от чтения, снимал очки, близоруко щурился и выдавал сентенции в духе: «Жара!.. А у вас в Иркутске тоже жарко?». «Я из Барнаула», – мягко напоминал Олег, которому давно осточертела вся эта игра, потому что прекрасно помнил его собеседник, конечно, и про Барнаул, и про все остальное. Но тот все равно пускался в рассуждения: «А ведь и над Иркутском, и над Барнаулом озоновая дыра, ученые выяснили», что заставляло заподозрить в нем полнейшего дегрода, прикрытого броней высокой должности. На самом деле это было, конечно, не так. СС придурился. Он был деловой человек, и Олег это знал. Но как деловая хватка сочеталась в нем с этим распинательским отношением к времени – ладно бы чужому, но своему, – оставалось загадкой.

Олег долго не мог привыкнуть к медитативному течению их встреч. Во-первых, СС имел дурную привычку мариновать посетителя в приемной минут по двадцать. Олег сначала недоумевал, потом подстроился: отправляясь сюда, он заранее планировал свое время так, чтобы, например, ответить на сообщения здесь, на удобном диване и с чашечкой кофе, а не сражаясь с переменчивой связью где-то в вагонах метро. Или, например, вот. Роксана прислала со студии расшифровку рабочей склейки, но там, где Олег просто переслал бы кому надо это письмо, и всё, здесь не получалось – с СС такой номер не проходил. Он признавал только бумажные распе-

чатки, и компьютер-то в его кабинете оставался декорацией. Но Олег не заморачивался с бумажками. Он знал, что у него будет полно времени – приехать, попроситься за секретаршин комп, войти в почту, отправить на печать... Секретарша жалась, мялась (они проделывали это не в первый раз), пускала за компьютер нехотя, выходя перед этим из всех аккаунтов, программ, систем. Олег догадывался, что здесь царит какая-то своя паранойя. Более того, он знал, что и заходить в свой ящик отсюда может быть небезопасно: по крайней мере, он видел переписку из этой приемной в толщах «разоблачений» российского аналога WikiLeaks. (Любопытства ради он полистал. Страшные, страшные тайны. Какому независимому политологу ко сколько назначено.) Но Олегу вообще-то было плевать – получит ли кто-нибудь доступ к его рабочей почте.

Текстовки были подчеркнута техническими (00:12:29 СИНХРОН), но точно так же Олег не парился, понимает ли что-нибудь читающий эти бумаги. У СС было совершенно не телевизионное мышление, прямо-таки редкостный дилетантизм. Добрая половина их встреч тратилась на то, что Олег, скорбно вздыхая, терпеливо разъяснял, почему нельзя переделать вот так и вот так. Сейчас СС медленно читал с карандашом в руке, а Олег рассматривал метровый портрет Петра I (самое необычное, что было в этом заурядном кабинете). В прошлый раз в изучении деталей (моря, дымы, рулоны, карты) он продвинулся от пряжек на туф-

лях до плеч.

– Чурбанов.

– Что?

– Это не «персонаж в генеральской форме», а Юрий Чурбанов. Зять Брежнева. Слышали о таком?

– В общих чертах.

– А ведь мы с Юрием Михайловичем однажды встречались, – начал СС, сняв очки. Он искал любой повод съехать. – Но, конечно, уже не когда он был зятем... Уже когда он тяжело болел. Конечно, с ним поступили несправедливо...

– Так, может, вы и расскажете?

– Что?

– Ну, в нашем фильме об этом и расскажете.

СС выразительно посмотрел на него, надел очки и продолжил читать. Это тоже была как бы их игра, зародившаяся в скуке традиция. Олег немножко троллил, СС смотрел на него, как учитель на школьного клоуна. Не очень строгий учитель. Может, трудовик.

– В целом неплохо, – заключил он в итоге, но это был ещё не звонок. Олег терпеливо ждал. – Ну, весь шлак с Высоцким и вот это всё нужно, конечно, убрать. А вот это – вот эти слова – вот эта трактовка вашего гостя, эксперта, что вот идея спектакля, что лучше пришлый Фортинбрас, чем прогнившая собственная власть, и это про НАТО, – вот это очень важно. Очень важно!

Ну разумеется. Еще ни один тур их ролевой игры не обошелся без «всё переделать». СС бесполезно было объяснять, что проделывать такого рода операции с уже примерно смонтированным материалом – это как фарш проворачивать назад. Олег выкручивался по-разному, но выкручивался. Обычно пудрил мозги и пытался сбить с мысли.

– У нас будет еще запись с авторитетным английским шекспироведом. Он сейчас как раз в Москве, получил в Кремле какую-то пушкинскую медаль и заодно побывал на премьере Коноевского, – намеренно-заунывно начал он, и принялся раскладывать перед СС новые листы, как пашьянс. – Вот это с сайта президента, справка о награжденном...

– Не надо шекспироведа. Мне кажется, «Гамлета» у нас вообще получается многовато.

– Но фильм называется «Ложь «Гамлета»», – мягко напомнил ему Олег.

– Ну и что?

– Между прочим, это вы предложили это название, – теперь уже с обидой. – Я вам сразу сказал, что слишком пафосно.

– Вот вы, вроде, человек молодой, а так любите цепляться к каким-то формальностям. Ну и что, что «Ложь «Гамлета»? А что, про Аркадия Коноевского больше и сказать нечего, один «Гамлет»?..

– Сергей Спартакович, так я бы рад включить другие ма-

териалы, вы же их мне не даете! Вы мне уже месяц обещаете какие-то таинственные документы по грантам на «Олимпийский театр»... Уже месяц обещаете подогнать какого-то бывшего бухгалтера этого проекта...

Ругаться с СС, энергично напирая и немножко придуриваясь, тоже было частью роли «школьного клоуна».

– Мы же с вами договаривались, что экономику мы пока не трогаем.

– Мы ни о чем не договаривались, – парировал Олег. Его все же заносило порой за флажки в этой игре.

– ...А вот «других материалов» у меня для вас сколько угодно! Вы же не спрашиваете... Вы знаете, что вокруг Коноевского собралась группа, можно сказать, фанатов, деструктивная молодежь. Можно сказать, жертвы. Жертвы его фильма «Пусть ветер унесет мои слова». Если помните, там про наркотики, суициды... Образовалась, можно сказать, секта! В социальных сетях. И мы располагаем данными, что многие несовершеннолетние участники этой секты под влиянием фильма Коноевского... А может быть, и под влиянием его самого? Занимаются саморазрушением, так сказать... А? Как вам такой материал? Это же бомба! Это ведь еще перспективнее, чем «Гамлет», потому что это наша молодежь...

– Сказать честно? – спросил Олег. – Вы знаете, такая поговорка есть на телевидении: пельмени разлепили, будем делать котлеты?

Все-таки тема фарша не оставляла его.

СС пытался свести все, как обычно, в шутку, мол, не надо бояться работы, вы же сибиряк, но на сей раз Олег был настроен серьезно, потому что перспектива отправить в корзину, как минимум, половину уже сделанного слегка его вымораживала. Или всемогущий СС пробьет на «Файле» не документальный фильм, а целый сериал?..

– Во-первых. «Пусть ветер унесет твои слова», – Олег подчеркнул «твои». – Фильм-то, конечно, культовый – для детей, но он снят, извините, лет пять назад. Вы что, всерьез будете уверять людей, что именно сейчас возникли какие-то фанаты, группы, секты? А с чего?.. А «Гамлет» – это все-таки актуальная, громкая премьера. Говорят, он будет всерьез претендовать на мировые театральные премии...

Теперь уже СС решил в ответ завалить его фактами и бумажками, он начал ловко сдавать их из очередной своей папки:

– Вот... Письмо комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав департамента семейной и молодежной политики города Москвы... – он справился с этим буднично и даже не сломал язык. – Вот к нам обратился... Так, кто это?.. Это детско-юношеский клуб «Аврора» Юго-Восточного административного округа...

– Seriously? Обратился к вам? Они знают о вашем существовании?

– А вы не паясничайте, Олег Евгеньевич, ситуация, действительно, очень серьезная. Вот у меня список наиболее

активных, агрессивных адептов этой, так сказать, группы, они же, по сути – главные жертвы...

Ну да. Распечатка списка участников (!) какого-то закрытого сообщества «ВКонтакте» – это прямо-таки вершина борьбы за тотальную бумагизацию всей страны. Со скептической ухмылкой, Олег листал: и сколько же здесь? Тридцать страниц? Нет, девятнадцать...

Он замер, вернулся. Рассмотрел аватарку. Потылицына Анна. На черно-белой печати видно плохо, фото размером с монету. Олег сощурился, но так не лучше. Смотрел и смотрел.

– Я вижу, вас это заинтересовало, – язвил СС.

– Ну, вы всегда знаете, чем меня... И что? У вас есть контакты всех этих людей? Это реальные люди? И Самурай Адский? А если я захочу сейчас с ним побеседовать? Или, например, вот с этой девушкой?

– Я вам советую в первую очередь обратить внимание на тех, против чьих фамилий стоит птичка.

«Птичка». Только тут Олег заметил, что некоторые, действительно, слабенько помечены на полях – немногие, человек, может, пять-семь на весь список.

– О-о, какой сервис!..

Они расстались в ядовитых полупоклонах, но, стерев ухмылку уже в приемной, Олег через секунду уже не помнил ни о ремонте, ни о чем. Он пытался было присесть куда-нибудь на подоконник в пустом коридоре, заныкаться

в какой-нибудь уголок, но эти коридоры были задуманы так, что присесть было некуда. Подоконники закрыты шторами – рябью, чешуйкой, как угодно. Олег на автомате спустился буфет, про который ходили слухи, что цены здесь копеечно-символические, издевательство над народом, но, покупая кофе, он даже не заметил, сколько заплатил.

Так.

Найти в поиске девушку с редкой фамилией Потылицына не составило никакого труда.

Он рассматривал фото, теперь полноценное: да. Только странно. Плохой свет, кривая композиция (кривые чьи-то руки, потому что явно это не селфи); желто высвеченное лицо на фоне унылой стены. Такую фотку на аватарку можно было поставить только в порядке самоиронии... до которой она, видимо, доросла. Больше – никаких фоток. Ничего ценного, кроме, действительно, безликих репостов на тему «Руки прочь от Коноевского». (Олег уже видел, конечно, все эти залихватские ссылки, заушательские статьи. Сборы подписей на Change.org. Глаза бы уже не смотрели.) Ничего интересного. Ну, дата рождения. Ну, без сюрпризов. Но хотя бы настоящее имя, – а фото в стиле жесткого doc только на подлинность и настраивало, – разве не главный сюрприз?

Он знал ее как Газозу. И ничего смешного, хотя смешно, конечно. Ну, в ночь знакомства он был таким пришибленным, что ему было почти наплевать. Да и какой ерунды не придумает обесцвеченная малолетка, явно взявшая се-

бе в кумиры певичку – как ее? – Глюкозу?.. Сильно позже уже, любопытства ради, он спросил, а что это вообще значит. Оказывается, газозой в Турции называется обычная газировка, «мне просто нравится это слово». Ну, ок. Правда, от Олега, всегда с ней – как бы расслабленно-ленного, не укрылся не то что восторг... Когда она говорила о Турции... Конечно, нет, «восторгом» какую-либо ее реакцию вообще нельзя было назвать: как обычный трудный подросток, она любовалась собой, такой, которой сам черт не брат, поэтому изображала равнодушие или презрение non stop, бросала гадости, закуривала с таким шиком, как будто для кого-то это провокация. Но какое-то движение в интонации – Олег тогда все же уловил. Ему хватило, чтобы понять, что она, может, однажды когда-то – в детстве? – попала в Турцию, и это самое значительное воспоминание ее жизни. С Газозой вообще всё и сразу было понятно – и вероятный побег из дома, и, вероятно, дом-то такой, из которого сбегай – не сбегай, все равно всем плевать.

Сама она ничего об этом не рассказывала, Олег и не спрашивал. Он вообще проживал сложный период жизни (но веселый). Если бы рядом присела не Газоза, а корабль пришельцев, он бы не удивился.

Его метнуло тогда радикально: после сонного царства барнаульского телевидения, где «24» в названии было только ради красного словца (а на самом деле – двухчасовые обеды и винишко в гримерках по пятницам), и почти без проме-

жуточной остановки в Москве, где они успели только снять убитую хрущобу у черта на куличках, но даже не обустроились, так, бросили сумки. И вперед – в другую провинцию (в артиллерии это называется «перелет»). В Тулу, на выборы мэра. В пиар-бригаду. Баксы заколачивать. Доллары в штаб подвозили инкассаторскими машинами прямо из Москвы, ну да и «объем работ» соответствовал. Кампания сложная, почти кровавая, а главное, затяжная, на измор. Если уж в Барнауле на вывеске было «24», то здесь следовало писать все «96».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.